

ИЗДАНИЕ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ

М. М. Винаверъ

ИСТОРИЯ ВЫБОРГСКАГО ВОЗЗВАНІЯ. (Воспоминанія).



Цѣна 45 коп.



ПЕТРОГРАДЪ.

Лештуковская Паровая Скоронечатня П. О. Яблонаго. Лештуковъ пер., 13
1917.

Настоящія воспоминанія написаны мною въ сентябрь 1910 года въ деревнѣ, въ Тверской губерніи. Запѣлъ, въ теченіе зимы, они были прочитаны въ Петербургѣ и Москвѣ лицамъ, стоявшимъ особенно близко къ выборгскому воззванію: И. И. Петрункевичу, П. Н. Милюкову, Ф. Ф. Кокошкину и кн. Д. И. Шаховскому—въ видахъ наиболѣе точнаго установленія событій и пополненія возможныхъ пробѣловъ. Изложеніе мое было одобрено; сдѣланы были нѣкоторыя частныя замѣчанія, на основаніи коихъ произведены затѣмъ кое-какія исправленія въ первоначальномъ текстѣ. Въ такомъ видѣ признано желательнымъ сохранить настоящій трудъ, какъ „единственный авторизованный разсказъ о событіяхъ 9—10 іюля 1906 года“.

Весною 1913 года воспоминанія были прочитаны въ большомъ кругу политическихъ дѣятелей, въ томъ числѣ многихъ участниковъ выборгскаго совѣщанія; здѣсь выражено было пожеланіе, чтобы они возможно скорѣе появились въ печати. Отрывокъ ихъ появился въ 1916 году въ сборникѣ, изданномъ переводумцами ко дню десятилѣтія первой Думы. Въ полномъ объемѣ они были напечатаны заграницею, но не получили распространенія, такъ какъ не удалось вывезти отпечатанные экземпляры во время войны. Въ Россіи печатаніе этихъ воспоминаній полностью при старомъ режимѣ было невозможно

Осень. Вѣтеръ съ шумомъ рветъ листья съ деревьевъ. Сухой, мертвенный шелестъ на дорогахъ парка. Полые пустыри тамъ, гдѣ вчера еще были полные таинственной прелести зеленые уголки. Какъ все это располагаетъ къ воспоминаніямъ о дняхъ унылыхъ, развивавшихся юныя, пылкія надежды. Все еще шуршать подъ ногами мертвые, желтые листья—все еще голые пустыри, гдѣ зеленѣла свѣжая жизнь. Кто знаетъ: быть можетъ, тѣ, кто свылся съ глухою осенью, и не пойметъ насъ, нашего упоенія зеленою весною; быть можетъ, среди этого мертвящаго, монотоннаго шума не удастся возсоздать тѣ напѣвы, которые такъ волновали насъ. Попробуемъ. Уходятъ со сцены люди; сглаживаются воспоминанія, исчезаетъ, подъ ударами новыхъ временъ, цѣльность настроенія. Пора запечатлѣть то, что еще сохранилось въ душѣ!

Сумрачныя мысли о кратковременности существованія первой Думы неотступно носились надъ головами ея дѣятелей. Теперь, сквозь дымку уходящихъ годовъ, мы склонны видѣть въ недавнемъ прошломъ одни «золотые дни» свободы, самоупражнение старой власти, сдающей охотно свои знамена провозвѣстникамъ освободительныхъ началъ,—мы склонны думать, что реакція началась только со времени роспуска первой Думы. На самомъ дѣлѣ она воцарилась, если не съ 18 октября 1905 года, то лишь немногимъ позже,—усиливалась затѣмъ и крѣпла, проявляла себя очень рѣшительно во время выборовъ въ 1-ю Думу и при изданіи Основныхъ законовъ 23 апрѣля,—и лишь выѣшнымъ образомъ притихла за время существованія первой Думы. Конечно, въ столь возбужденное время, при частыхъ и рѣшительныхъ поворотахъ, могло случиться, что фактъ

огромной, неожиданной побѣды оппозиціи на выборахъ и еще въ большей мѣрѣ необычайное единодушіе, проявленное всею Думою, при формулировкѣ основныхъ переднихъ пожеланій, могли произвести извѣстное впечатлѣніе и поколебать положеніе окрѣпшей реакціи. Но это была бы случайность, на которую въ общемъ мало кто рассчитывалъ. Мы работали дружно, съ напоромъ, не удосуживаясь и, если угодно, не желая давать себѣ отчетъ въ томъ, для кого именно работаемъ: для нынѣшняго дня или для будущихъ поколѣній. Но всякій разъ, когда жизнь наталкивала на размышленія, размышленія эти всегда приводили къ признанію неизбежной кратковременности нашего существованія. Необходимо было лишь наилучше использовать предназначенное намъ время и затѣмъ достойно закончить свою жизнь, самымъ актомъ смерти завершая то дѣло, которому мы служили.

Размышленія на эту тему явились у насъ въ конкретной формѣ, въ связи съ возникшими уже въ концѣ мая слухами о предполагаемомъ роспускѣ Думы «на капитулы». Мы всѣми силами рѣшили бороться съ этимъ маломощнымъ, но въ нашей средѣ возникли разногласія по поводу того, какъ отнестись къ событію, если оно все же случится: признать ли этотъ роспускъ за то, за что его выдавали, т. е. за временный перерывъ думскихъ занятій, или неллицемѣрно отнестись къ нему, какъ къ замаскированному нападенію на народное представительство. Помню: это было въ одно изъ воскресеній, въ знойный лѣтній день. Мы засѣдали въ Центральномъ Комитетѣ въ большой залѣ нашего партійнаго клуба на Потемкинской. Будни мы проводили всѣ въ Думѣ съ 11 час. утра до поздней ночи, употребляя время перерывовъ для засѣданій фракціоннаго Комитета (за завтракомъ или обѣдомъ), а вечера почти всѣ уходили на засѣданія фракціи. Для засѣданій Ц. К. оставались только воскресенья. Съ часу дня до 7 часовъ вечера длилось засѣданіе, посвященное одному этому вопросу, хотя оно было немногочисленно. Вопросъ ставился очень конкретно: какой долженъ послѣдовать со стороны Думы

отвѣтъ, "если ей будетъ внезапно объявленъ указъ о роспускѣ на каникулы? Первый, естественный и почти всеобщій порывъ былъ: сказать, что мы не уйдемъ. Но началу казалось, что и сомнѣній тутъ быть не можетъ, и что слѣдуетъ только обдумать, какъ лучше обставить свой отказъ, какъ достойнше «не уходить». Но противъ этого плана выступилъ съ возраженіями никто иной, какъ П. Н. Миллюковъ, мощнѣйшій горючій, убѣжденный сторонникъ выборскаго воззванія. Онъ настаивалъ на необходимости принять актъ роспуска на каникулы именно какъ таковой, и такъ какъ въ такомъ видѣ онъ соответствуетъ прерогативамъ монарха, то и подчиниться ему, стоя на строго-конституціонной точкѣ зрѣнія. Критически отнесся къ мысли о неподчиненіи и В. Д. Набоковъ, впрочемъ, не столько съ точки конституціонной лояльности, сколько съ точки зрѣнія невыполнимости самаго плана. Онъ изображалъ въ насмѣшливой формѣ состояніе депутатовъ, которые два-три дня подрядъ немые и голодные бродятъ по Таврическому дворцу и, наконецъ, отъ скуки сдаются во власть правительства. Но этотъ тонъ какъ-то дисгармонировалъ съ общимъ настроеніемъ, а «конституціонныя» соображенія Миллюкова отдавали нѣкоторою пассивностью. Помню, какъ И. П. Петрункевичъ съ большою простотою и искренностью заявилъ, что, не вдаваясь ни въ какія разсужденія и не страшась никакихъ картинъ, онъ за себя долженъ сказать, что не сможетъ, физически не сможетъ уйти и останется сидѣть, каковы бы ни были отъ этого послѣдствія. Онъ полагаетъ, что съ такою мыслью шли въ Думу депутаты, и этого ждешь отъ нихъ населеніе.

Вопросъ былъ рѣшенъ именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Безъинтересно, можетъ быть, отмѣтить, что присутствовавшій на засѣданіи П. В. Струве, возвращаясь со мною на дачу въ вагонѣ Фимиліи Л. ж. дор., особенно рѣзко выражалъ изумленіе по поводу взглядовъ Миллюкова. Оставалось рѣшить: какія мѣры предпринять. Одна мѣра—предупредительная—состояла въ томъ, чтобы правительству дать знать съ трибуны Думы,

что мы не желаемъ канникулъ. Для этой цѣли рѣшено было составить приблизительный планъ занятій Думы на три мѣсяца впередъ (до зимнихъ мѣсяцевъ). Исполненіе этого возложено было на меня, и соответственное заявленіе было подано въ Думу 5 іюня *). Но это было, конечно, не главное. Главное было составить тотъ актъ, съ которымъ мы обратимся къ стражѣ изъ Думы, отказываясь подчиниться распоряженію о роспускѣ. Составленіе такого акта (или манифеста, какъ его тогда называли) возложено было на Милукова.

Проходившіе затѣмъ недѣли, прошель мѣсяць—манифестъ составленъ не былъ. Почему, сказать трудно. Никакого иного, противоположнаго рѣшенія у насъ не состоялось. Наоборотъ, когда по другому поводу вопросъ о роспускѣ былъ составленъ во фракціи, настроеніе сказалось такое же, если не болѣе повышенное, какъ и въ Ц. К. Незгладимое на всѣхъ впечатлѣніе произвелъ томилскій, пашъ патріархъ, Вас. Изв. Долиженковъ, старикъ 70 сѣднѣкомъ лѣтъ, который, при общемъ волненіи, своимъ прерывистымъ, но громкимъ голосомъ заявилъ, что явился сюда либо дать народу права, либо умереть на мѣстѣ, а этотъ послѣдній долгъ свой исполнить, разъ же дано ему исполнить первый. Въ томъ же тонѣ держали рѣчи и другіе депутаты.

Въ этихъ предварительныхъ толкахъ и рѣшеніяхъ несомнѣнно зрѣется зародышъ выборгскаго воззванія. Жизнь вела только поправку, а не такъ незначительную, по оказавшуюся роковою по своимъ послѣдствіямъ. Мы ошиблись въ одномъ—мы были увѣрены, что указъ о роспускѣ обявятъ намъ непосредственно въ самой Думѣ. Во фракціонномъ засѣданіи, о которомъ рѣчь шла выше, кто-то думалъ даже о возможности такого пропуска, при которомъ депутаты, являсь въ Думу, найдутъ «замокъ на дверяхъ»; но это замѣчаніе прошло какъ будто незамѣченнымъ, таково было повальное заблужденіе, теперь совершенно необъяснимое. Въ этомъ и источникъ

*) Подробнѣе объ этомъ см. моп „Конфликты въ первой думѣ“. стр. 127.

многих позднѣйшихъ критиковъ, недоразумѣній и, можетъ быть, несчастій. Въ томъ, я думаю, я причинна нашей безтѣхосости въ вопросѣ о заблаговременномъ составленіи манифеста. Для собранныхъ въ думскомъ залѣ депутатовъ, проникнутыхъ единымъ настроеніемъ, не могло представлять особаго затрудненія составить манифестъ; не ощущалось потому особенной потребности имѣть непременно бумагу, изготовленную заранее. Мы привыкли за это время творить быстро и сплоскомъ самыя кручинныя государственныя акты—высокая температура быстро спавала—мы и не поропили, и бумага осталась неапписанною. О, если бы мы тогда могли конкретно представить себѣ ту обстановку, въ которой будетъ начертанъ дѣйствительный манифестъ...

9 іюля былъ тоже воскресный, знойный день. Наканунѣ мы разошлись поздно, измученные тревогами послѣднихъ дней, но какъ будто успокоенные относительно ближайшаго будущаго: просили же Предсѣдатель Совѣта Министровъ, еще въ пятницу, 7 іюля, вечеромъ, Предсѣдателя Думы, дать ему возможность выступить въ Думѣ въ понедѣльникъ!

А въ ночь съ субботы на воскресенье около 4 часовъ П. Н. Миллюковъ въ редакціи «Рѣчи» получилъ извѣстіе, что роспускъ рѣшенъ, указъ подписанъ и въ утру будетъ опубликованъ.

Я лично провелъ эту ночь на дачѣ въ Финляндіи. Въ 9 часовъ утра разбудила меня телеграмма И. И. Петрушевича: «Прѣзжайте немедленно крайне нужно». Догадаться, въ чемъ дѣло, было не трудно. Съ ближайшимъ поѣздомъ, отправлявшимся въ Петербургъ въ одиннадцатомъ часу, я уѣхалъ. Проѣзжая мимо моей городской квартиры, узналъ отъ швейцара, что «господинъ Миллюковъ на велосипедѣ часовъ въ 7 утра былъ». Догадка превратилась въ увѣренность. Я ѣхалъ къ Петрушевичу, оглядывался, искалъ на лицахъ людей, искалъ на мертвыхъ камняхъ отраженія лашено несчастія. Солнцeve лѣвшехоры, солнцeve лошади, солнцeve солнце. Безлюдье—никакой жизни, никакого признака движенія. Кричать хотѣлось отъ ужаса и боли.

У Петрункевича въ кабинетѣ засталъ уже собранныхъ главныхъ дѣятелей партіи, всего человѣкъ около 20. О томъ, что происходило до моего пріѣзда, могу передать лишь на основаніи позднѣйшихъ разспросовъ лицъ, присутствовавшихъ съ первой минуты: И. И. Петрункевича, И. П. Миллюкова, отчасти Ѳ. Ѳ. Кокошкина и ин. Д. И. Шаховского.

Миллюковъ, получивъ тревожное извѣстіе, объявлялъ городъ и созывалъ почти всехъ членовъ Ц. К. партіи. Собирались начали часовъ около 8. Первымъ явился самъ Миллюковъ. Основная мысль будущаго воззванія опредѣлилась съ первой же минуты: ее поддалъ И. И. Петрункевичъ въ бесѣдѣ съ Миллюковымъ въ то время, когда еще никого, кромѣ нихъ, не было. Вскорѣ затѣмъ явился Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и самостоятельно, не зная о планѣ Петрункевича, предложилъ отъ себя ту же идею: построить воззваніе на призваніе къ пассивному сопротивленію. Оно и понятно: мысль была не исполнѣ нова, она носилась въ воздухѣ уже съ момента тревожныхъ извѣстій о роспускѣ на каникулы; она разбиралась попутно и въ томъ засѣданіи фракціи, въ которомъ предпринималась возможность обращенія съ манифестомъ къ народу.

Совѣщаніе Ц. К. приняло основную мысль манифеста почти безъ возраженій. Самое составленіе манифеста возложено было на Миллюкова, который тотчасъ же удалился въ сосѣднюю комнату и принялся за работу. Составивъ набросокъ, онъ прочелъ его присутствующимъ и выслушалъ ихъ замѣчанія. При этомъ Миллюковъ замѣтилъ, что шагъ, который предполагается сдѣлать, напоминаетъ соотвѣтственный моментъ исторіи французскаго учредительнаго собранія, и что депутаты, собирающіеся сдѣлать этотъ шагъ, должны дать себѣ ясно отчетъ въ томъ, что никто изъ нихъ въ Думу не вернется; и если нѣтъ этой готовности къ жертвѣ, дѣлать его не слѣдуетъ. И. И. Петрункевичъ, поддержанный всеми присутствовавшими депутатами, отвѣтилъ, что эта сторона дѣла всегдѣ ясна и ни въ комъ сомнѣнія не вызываетъ.

Когда я прїѣхалъ—часовъ около 12—Миллюковъ дѣлалъ уже исправленія на основаніи выслушанныхъ замѣчаній. Онъ прерывалъ работу и далъ мнѣ прочесть написанное. Проектъ былъ очень длиненъ, примѣрно въ три раза больше того, который былъ въ послѣдствіи принятъ въ Выборгѣ. Но схема его была та же, что и принята въ Выборгѣ: первая часть содержала протестъ противъ роспуска, вторая—призывъ къ пассивному сопротивленію. Мнѣ казалось, что проектъ составленъ слабо, что въ манифестѣ должно было быть рѣзче прозвучать крикъ возмущенія: какъ блескъ молнии онъ долженъ былъ освѣтить передъ населеніемъ истинный смыслъ того, что совершилось. Этой стихійной негодующей силы въ немъ не было. Вторая часть—призывъ, въ послѣдствіи сыгравшій столь роковую роль—не привлекалъ къ себѣ вниманія. Да это казалось—особенно въ эту первую минуту—столь элементарно простымъ и естественнымъ, минимумомъ, жалкимъ минимумомъ дѣйствія, оставшимся въ нашемъ распоряженіи. И именно потому, что это было такъ мизерно, чувствовалась особая потребность рѣшительнѣе и сильнѣе исполнить то, что было въ нашихъ силахъ: издать крикъ возмущенія, который бы соответствовалъ силѣ нанесеннаго удара и раскатился бы эхомъ по странѣ. Мнѣніе мое я выразилъ передаль Ивану Ильичу; онъ предложилъ мнѣ написать немедленно другой проектъ. Послѣ минутнаго колебанія я отказался. Время для этого уже ушло—все волновались уже не по поводу редакціи, а по поводу самаго способа исполненія плана. Собственно и по этому послѣднему вопросу рѣшеніе уже было принято—но рѣшеніе, протекставшее отчаяніемъ и потому мало кого удовлетворявшее. Рѣшено было ѣхать въ Выборгъ, и одинъ изъ нашихъ, Д. Д. Протопоповъ, уже уѣхалъ туда искать помѣщенія. Мотивы этого рѣшенія были чрезвычайно просты. Дума была закрыта, оцѣплена войсками и полиціей; у передней рѣшетки садика стоялъ пустой нарядъ полиціи, учтиво указывавшій дорогу единичнымъ появлявшимся депутатамъ. Единственное мѣсто, которое могло бы насъ вмѣстить, было наше

клубъ на Потемкинской, удобный еще и въ томъ отноше-
ніи, что депутаты естественно приеде всего являлись
туда и, слѣдовательно, легче было всѣхъ собрать. Но и
дворъ нашего клуба, и всѣ соседніе дворы были густо
набиты полиціей и войскомъ. Было совершенно оче-
видно, что соберись нѣсколько десятковъ человѣкъ, по-
лиція ихъ окружитъ и остальныхъ не допустить. Я
помню отчетливо, что никого не смущала мысль о судьбѣ
нашей въ случаѣ, если бы намъ удалось гдѣ-нибудь со-
браться. Мы были исполнены той же рѣшимости не усту-
пать и издать манифестъ отъ имени Думы, какъ и
раньше. Но нелѣпая дѣйствительность лишила насъ
именно элементарной возможности вмѣстѣ сойтись,
вмѣстѣ рѣшиться, вмѣстѣ, наконецъ,—если бы то потре-
бовалось—подставить прудъ подъ направленный въ насъ
штыкъ. Запертые полиціей въ помѣщеніи клуба два-три
десятка депутатовъ, не имѣющихъ общаго плана, не
знающихъ, что творится въ стѣнѣ клуба,—а остальные
депутаты, развозимые въ одиночку съ Потемкинской
улицы по полицейскимъ участкамъ—и это все? послѣд-
ній заключительный аккордъ великой эпопеи? Никакого
общаго дѣйствія и даже оурика? Такая картина смерти
казалась нестерпимой.

Но несомнѣнно, и принятое рѣшеніе вызывало го-
рестныя чувства. Поздно было думать,—мнѣять рѣше-
ніе уже было невозможно, если бы даже нашлось
лучшее,—но инстинкты тлужо противились этому шалу,
столь далекому отъ того, къ чему еще такъ недавно мы
готовились.

Не успѣлъ я кончить чтеніе и перекинуться двумя-
тремя словами, какъ явилась группа трудовиковъ, по-
просила дать ей прочесть проектъ и прочла его безъ вся-
кихъ возраженій. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, деп. Бонда-
ревъ, спросилъ: Ну, а гдѣ же?

— Въ Финляндіи.

— Отчего?

Ему объяснили причины,—онъ покачалъ головою,
пробовалъ было возражать, но самъ вскорѣ убѣдился и

призналъ, что дѣйствительно въ Петербургѣ «кроме драки ничего не выйдетъ».

— Въ которомъ часу ѣхать?

— Съ любымъ поѣздомъ, начиная съ двухъ часовъ.— Тамъ насъ встрѣтятъ.

Ушли, трустно, сердечно пожавъ намъ руки—всеразшніе наши противники.

Проектъ, исправленный, вскорѣ быть готовъ, но мы не рѣшились предотжечь засѣданіе въ томъ же мѣстѣ, и для второй читки перешли на другую квартиру, къ Мих. Ил. Петрунскому. Шли небольшими группами. Милуковъ велъ свой велосипедъ, на которомъ почью обѣщались друзья. Улицы были почти пустыньны; тяжелый, знойный воздухъ давилъ, точно камень. Мы придавали себѣ куражку шутками надъ милуковскимъ велосипедомъ, напускали на себя Galgenhumor, а на душѣ скребли кошки. Какъ все это было далеко отъ того, что думалось еще такъ недавно.

На одномъ изъ поворотовъ, при скрещеніи Надеждинской или Знаменской съ однимъ изъ переулковъ, встрѣтилась намъ группа трудовиковъ, бредущихъ куда-то съ весьма унылымъ видомъ. Изъ всей группы выдѣлялся не только фигурой, но и особеннымъ горестнымъ выраженіемъ лица И. В. Жилинъ. Потрясавъ намъ руки и повторялъ: «Ну, теперь ужъ мы за одно—ведите».

Эту фразу я имѣлъ уже случай привести въ исторіи конфликтовъ первой Думы; я сопровождалъ ее ремаркой: «Поздно...». За эту ремарку я лично и моя партія удостоилась затѣмъ во время одной изъ избирательныхъ кампаній очень рѣзкихъ нападокъ со стороны выступавшаго на собраніяхъ социаль-демократическаго кандидата. «А, поздно, говорите вы. Значитъ, тогда, когда настала пора дѣйствовать, и когда вамъ протягивали руку, вы отказались ее принять».

Ахъ, милые друзья, не отказывались мы принять руку и пошли мы вѣдь вмѣстѣ; но идти то ужъ было некуда. Вотъ почему «поздно». А вчера, и позавчера, и недѣлю и мѣсяцъ тому назадъ, когда нужно было и можно было идти «за нами» или хоть вмѣстѣ съ нами,

не хватало пониманія всей важности дружнаго напора на ближайшую возможную позицію. И не только въ нашемъ ощущеніи «поздно», но и въ самомъ предложеніи «Ведите насъ» было одно и то же эллиптическое настроеніе—люстестное сожалѣніе о бывомъ и сознаніе, что на сей разъ все кончено.

Проектъ манифеста (такъ мы его все еще называли) былъ вторично прочитанъ и исправленъ больше съ редакціонной стороны, чѣмъ по существу. Исправленіе по существу было затруднено не только слѣдственностью и конспиративностью обсужденія, но и тѣмъ, что проектъ былъ уже предъявленъ трудовикамъ, и, слѣдовательно, всякое болѣе или менѣе значительное измѣненіе должно было бы быть оправдано и рисковало вызвать обычныхъ заподозриваній, яродіе тѣхъ, которыми только недавно, два-три дня до того, промиль насъ съ трибуны Думы, по поводу аграрнаго обращенія, никто иной, какъ тотъ же И. В. Жиликинъ. Такого оборота дѣла слѣдовало особенно избѣгать въ эту минуту. Лучше было ужъ исправлять потомъ, публично.

По установленіи редакціи проектъ былъ немедленно переписанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, которые должны были быть отвезены въ Финляндію разными лицами, а оригиналь былъ тутъ же уничтоженъ. Такимъ образомъ, ни подлиннаго первоначальнаго текста не сохранилось, ни тѣхъ измѣненій, которыя были внесены тогда же, при первоначальномъ обсужденіи.

Съ отъѣздомъ изъ Петербурга рѣшено было торопиться, такъ какъ существовало опасеніе, что власти, узнавъ о нашемъ намѣреніи, воспрепятствуютъ нашему отъѣзду. Потому рекомендовалось ѣхать по возможности скорѣе, однако, не слишкомъ большими партіями. Съ часу или двухъ началось передвиженіе. Главная партія отправилась часа въ 4 и прибыла въ Выборгъ около 7 часовъ, но еще до поздней ночи и даже до слѣдующаго утра прибывали все новыя группы. Къ будущимъ изъ Петербурга присоединились депутаты, жившіе на финляндскихъ дачахъ и не попавшіе въ этотъ день въ городъ.

Мнѣ пришлось еще заѣхать въ Левашово пообщаться съ семьею (все мы шли на неизвѣстное будущее); я отправился потому часа въ 3 и заѣмъ соединился въ Левашовѣ съ партіею, уѣхавшею изъ Петербурга съ четырехчасовымъ поѣздомъ. Къ намъ подѣла въ Теріокахъ значительная группа нашихъ депутатовъ, въ томъ числѣ М. Я. Герценштейнъ съ женою, съ которыми мы поѣхали до Выборга въ одномъ купѣ. Въ шутовливомъ расположеніи духа, Герценштейнъ подгрунивалъ надъ нашимъ положеніемъ, пересыпая рѣчь остроумными еврейскими словечками. И тогда, и впоследствии, во время нашихъ совѣщаній въ Теріокахъ, послѣ Выборга, онъ поражалъ меня своимъ спокойнымъ, незлобивымъ отношеніемъ къ происшедшему. Онъ очень мало вмѣшивался въ пренія, улыбка почти не сходила съ его устъ; по лѣтнему свѣтло одѣтый, онъ имѣлъ изъ всѣхъ насъ самый беззаботный, радужный видъ, какъ будто зная, что ужь не ему придется разрѣшать занимавшія насъ головоломныя задачи... Только въ самый горячій моментъ споровъ при обсужденіи воззванія онъ какъ бы воспрянулъ, выпрямился во весь ростъ, ввязался въ бой, съ жаромъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, и заѣмъ... Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Выборгскія гостинницы не могли вмѣстить всѣхъ пріѣзжихъ. Въ теченіе часа, а то и больше, шла бѣготня по улицамъ, пѣшкомъ и на извозчикахъ, въ поискахъ квартиры. Помню, съ какою завистью смотрѣли мы, какъ на балкончикѣ гостинницы, противъ вокзала, уютно разсѣлись успѣвшіе пріѣхать раньше нашего Якушкинъ и еще кто-то,—точно они явились сюда вкушать вечернюю прохладу послѣ трудовъ лѣтняго дня. Квартиру въ гостинницѣ найти таки не удалось. Спасъ меня нашъ Секретарь Городского Комитета, Зерновъ, предложившій третье мѣсто въ комнатѣ, которую онъ занялъ уже вмѣстѣ съ Мухановымъ; въ комнатѣ были всего двѣ кровати, но Зерновъ, по молодости лѣтъ, перекочевалъ на диванъ.

Сборнымъ пунктомъ назначена была гостинница Бельведеръ, расположенная у самой морской бухты. Внутренній видъ гостинницы и зала, въ которомъ мы

должны были засѣдать, вся сутолочная атмосфера, парившая на лѣстницѣ и въ прилегавшихъ къ «залу» комнатахъ, характеръ публички, запрудившей всѣ проходы—все это производило отвратительное впечатлѣніе. Провинціальная гостиница второго разряда, узкая древляная лѣстница, тѣсный коридорчикъ и вслуду—на лѣстницѣ, въ коридорѣ толпились наѣхавшая изъ Петербурга какая-то странная публика: смѣсь университетской молодежи, корреспондентовъ газетъ и неизвѣстныхъ подозрительныхъ личностей въ гороховыхъ пальто. Нынѣ стало извѣстно, что въ числѣ послѣднихъ былъ самъ Азефъ. Все это наступало на ноги, шумѣло, не давало проходу, осыпало вопросами. Не лучше было и въ двухъ соседнихъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ собирались депутаты и нѣдѣ успѣвшіе раньше пообѣдать подкрѣпляли свои силы. За этими двумя комнатами расположѣнъ былъ залъ,—большая комната въ 5 или 6 оконъ, составленная изъ двухъ меньшихъ, соединенныхъ аркою. Въ меньшей стоялъ все время весьма дисгармонизировавшій съ нашимъ настроеніемъ рояль, уготованный, видимо, для болѣе радостныхъ событій. Остальная часть зала была вся уставлена, параллельно окнамъ, вѣнскими стульями, а у противоположной окнамъ стѣны, почти у самой арки, стоялъ простой столикъ—трибуна нашего Предсѣдателя.

Пока еще шли приготовленія къ открытію засѣданія, депутаты, не участвовавшіе въ утреннемъ совѣщаніи, пожелали ознакомиться съ текстомъ проекта, изготовленнаго нашимъ Комитетомъ. Мы вручили по экземпляру трудовикамъ и социаль-демократамъ; кадеты же собрались кучкою въ одной изъ переднихъ комнатъ, и здѣсь былъ много вслухъ прочитанъ проектъ. Съ разныхъ сторонъ раздались оклики: «Слабо! надо рѣзче». Одинъ изъ депутатовъ-мусульманъ (если не ошибаюсь,—тотъ самый, котораго по странной случайности судъ потомъ оправдалъ почему-то) возразилъ противъ первыхъ словъ манифеста, гласившихъ въ первоначальной редакціи: «Русскіе граждана!» Онъ указывалъ, что съ манифестомъ обращаются представители всѣхъ народностей ко

всѣмъ народностямъ Россіи, и что слѣдовало потому редактировать обращеніе такъ: «Привѣданіе всей Россіи». Предложеніе это было единогласно принято, и редакція эта сохранилась, какъ извѣстно, и въ окончательномъ текстѣ воззванія.

Шъ уже десятый часъ—депутаты все еще собирались. Собралось всего въ этотъ вечеръ чело-вѣкъ около 180, а съ тѣми, кто явился на слѣдующій день, оказалось свыше 200. Каретовъ было около 120 чело-вѣкъ, остальное составили трудовики и социаль-демо-краты. Нѣкоторые выдающіеся депутаты отсутствовали, потому что были командированы Думою на происхо-дившій въ то время конгрессъ междупарламентскаго союза. Таковы: Родичевъ, Ковалевскій, Аладинъ, Остро-порскій, Свѣчинъ, Васильевъ. Трудовикъ Аппинъ былъ на законномъ-то другомъ конгрессѣ. Нѣкоторые депутаты, какъ: Котляревскій, явн. Урусовъ, Щепкинъ, Кузьминъ-Караваневъ, въ виду двухъ свободныхъ отъ общихъ собра-ній дней (суббота и воскресенье), разъѣхались къ себѣ по домамъ. Часть изъ нихъ явилась въ Выборгъ на вто-рой день, одни къ моменту подписанія воззванія, дру-гіе—уже послѣ подписанія.

Вмѣстѣ съ депутатами пріѣхали въ Выборгъ и члены Центральныхъ Комитетовъ партій, но ни одинъ изъ нихъ ни разу не былъ допущенъ въ залъ во время засѣданія. Правило это соблюдалось очень строго. Охрану дверей отъ вторженія кого бы то ни было по-сторонняго взялъ на себя и съ истиннымъ самоотверже-ніемъ исполнялъ эту свою роль товарищъ нашъ З. Г. Френкель. Члены нашего Комитета участвовали въ на-шихъ партійныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ промежуткахъ между общими засѣданіями; весьма вѣ-роятно, что бывшіе тогда въ Выборгѣ члены другихъ фракціонныхъ комитетовъ участвовали также въ част-ныхъ совѣщаніяхъ трудовиковъ и социаль-демократовъ; но, какъ сказано, въ «думскихъ» засѣданіяхъ, ни Ми-люковъ, ни кто либо другой изъ депутатовъ ни въ качестве участника, ни даже въ качестве зрителя не участвовалъ.

Засѣданіе открылось въ 10¹/₂ часовъ вечера; поздній часть не смущала насъ—все готовы были сидѣть безъ сна, сколько потребуется. Съ момента открытія засѣданія все преобразилось. Исчезла и убогая, холодная обстановка, и мелкая суетливость, насъ обступавшая, и жуткое ощущеніе подневольной отторженности отъ родного угла—все исчезло. Въ собравшихся людяхъ разомъ проявилось нѣчто, что задвинуло куда-то въ даль все внѣшнія впечатлѣнія. Весь залъ былъ объятъ единымъ настроеніемъ, необычайно серьезнымъ, приподнятымъ, по парочку сдерживаемымъ, — настроеніемъ, при которомъ нѣтъ мѣста ни афектированной фразѣ, ни излишнему жесту, ни заносчивой угрозѣ. Надъ заломъ носилась боль сердечная и скорбная рѣшимость.

Вошелъ Муромцевъ, наружно спокойный и величественный, какъ всегда, въ черномъ сюртукѣ, какъ бывалъ въ Думѣ, но въ рукахъ шляпа и палка, руки въ черныхъ перчаткахъ, точно онъ среди насъ уже только гость на мимовленіе. Петрушевничъ предложилъ просить Муромцева председательствовать. Весь залъ поднялся и непрерывающаюся бурей аплодисментовъ, стоя, приветствовалъ появившагося у скромнаго столика Предсѣдателя Думы; точно объединяясь въ этомъ чувствѣ преклоненія, люди хотѣли еще крѣпче связать себя другъ съ другомъ и съ своимъ прошлымъ, убѣдить себя, что они еще едины. Муромцевъ понялъ и это чувство и настроеніе момента, и выволнованный, какимъ никто его раньше не видалъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Господа, этотъ пріемъ доказываетъ, какъ крѣпко мы связались за это время, что мы вмѣстѣ прожили...». Тутъ онъ какъ будто еще хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и закончилъ: «Вотъ чемъ, довольно: слова излишни.—къ дѣлу!» И затѣмъ, подавивъ волненіе, повелъ засѣданіе со свойственною ему предсѣдательскою точностью и элегантностью. Фразы: «Засѣданіе Государственной Думы продолжается», по поводу которой столько было шума, онъ не произнесъ. Она и не вязалась бы съ обстановкой, была бы слишкомъ

вычурно-торжественна для той сосредоточенной простоты, которая царила во всемъ.

Выбраны были затѣмъ (тоже par acclamation) товарищами Предсѣдателя и Секретаремъ думскіе Товарищи Предсѣдателя (кн. Долгоруковъ и Гредескулъ) и думскій Секретарь (кн. Шаховской).

Обсужденіе по существу Предсѣдатель предложилъ начать съ того, что каждая изъ представленныхъ въ собраніи партій укажетъ, что она считала бы нужнымъ предпринять. Порядокъ этотъ былъ единогласно одобренъ, и группы изложили свой взглядъ на предстоящую дѣятельность. Партій было представлено три: кадеты, трудовики и социаль-демократы. Изъ крупныхъ думскихъ группъ, на участіе которыхъ можно было разсчитывать, отсутствовало только польское коло; оно появилось лишь на слѣдующій день, о чемъ будетъ рѣчь дальше. Октябристы и правые, составившіе въ общей сложности въ 1-й Думѣ не болѣе 40—50 человекъ, естественно, отсутствовали; небольшая партія демократическихъ реформъ, по скольку члены ея случайно не были въ отъѣздѣ, тоже были на лицѣ, но они не выступали отдѣльно, а сливались съ кадетами, участвуя въ составленіи кадетской фракціи и подчиняясь ея рѣшеніямъ. Впрочемъ, стремленіе сблизиться, соединиться въ эту минуту съ кадетами было такъ велико, что, помню, одинъ изъ октябристовъ, нижегородскій депутатъ Остафьевъ, поѣхалъ съ нами, объявляя, что онъ болѣе не октябристъ, что переходитъ въ нашу вѣру, ибо въ эту минуту все ему стало ясно. Это было въ первый день; куда онъ дѣвался на второй день, не знаю, — подписи его подъ воззваніемъ нѣтъ.

Группы въ залѣ размѣстились почему-то обратное своему естеству: социаль-демократы на правой, кадеты — на лѣвой; трудовики заняли середину.

Каждой изъ группъ предложено было высказаться въ лицѣ одного или двухъ ораторовъ. Отъ имени социаль-демократовъ говорили двое, кадеты ограничились однимъ ораторомъ, только изъ трудовиковъ сочли нужнымъ выступить шестеро. То, что было сказано, нельзя

было бы назвать «рѣчками». Трагизмъ момента представлялъ въ этомъ отношеніи нѣкоторую опасность: такъ близко было искушеніе разразиться «историческою» рѣчью, патетически заломить руки, испустить истерическій крикъ отчаянія. Ничего подобнаго не случилось. И въ первый вечеръ, и на слѣдующій день обсужденіе почти ни разу не сворачивало на этотъ дуть. Ни «рѣчей», ни аплодисментовъ. Когда одинъ разъ сорвались хлопки, Френкель негодуяюще воскликнулъ, что просить не сотрясать напрасно воздухъ. И хлопки прекратились. Особенно въ первый вечеръ, когда настроеніе такъ явно было у всѣхъ едино, — чувствовалось, что всякій призывъ къ чувству, даже всякая мотивировка была бы излишня, почти что оскорбительна. И дѣйствительно, когда шестой по очереди трудовикъ взялъ высокую трагическую ноту, все собраніе зашевелилось и раздались возгласы: «Довольно, довольно».

Отъ имени социаль-демократовъ говорили Джапаридзе и призванный вождь ихъ въ первой Думѣ, Жорданія. Основную мысль фракціи развивалъ Жорданія. Онъ указалъ на желательность обращенія къ народу, оговоривъ, что партія его признаетъ другіе методы дѣйствія, но такъ какъ другія партіи на нихъ не соглашались, а желательно дружное дѣйствіе, то онъ ограничивается этимъ предложеніемъ. По содержанію обращенія къ народу фракція его согласна съ тѣми двумя мѣрами, которыя предлагаются въ проектѣ кадетовъ, т.-е. съ призывомъ къ неплатежу податей и къ уклоненію отъ воинской повинности. Все это было сказано просто, искренно, безъ эмфазы, безъ раздражающихъ партійныхъ вызововъ. Въ такомъ же тонѣ говорилъ отъ имени трудовиковъ Болдаревъ, не прибавивъ также ничего къ мѣрамъ, предложеннымъ кадетскимъ проектомъ. О чемъ говорили слѣдующіе трудовики, и кто именно говорилъ, не припомню; а послѣдній, заговорившій о томъ, что они де пошли бы «дальше» (куда именно, не было сказано), но что, какъ они знаютъ, кадеты дальше не пойдутъ, — былъ такъ подружелюбно встрѣченъ собраніемъ, что вскорѣ умолкъ. Въ рѣчахъ трудовиковъ

были еще указанія на необходимость объявить себя не то временнымъ правительствомъ, не то учредительнымъ собраніемъ; но указанія эти отвергались, какъ ораторами изъ среды самихъ же трудовиковъ, такъ и—особенно энергично—соціалъ-демократами. Отъ имени кадетовъ поручено было говорить мнѣ, причемъ Комитетъ фракціи, посовѣщавшись передъ открытіемъ собранія, поручилъ мнѣ указать, что цѣлью нашего обсужденія является вопросъ о томъ, какія намъ вообще мѣры предпринять, по обращенію къ населенію является первымъ и наиболѣе спѣшнымъ шагомъ,—спѣшнымъ потому, что народъ долженъ немедленно услышать голосъ своей Думы; по принятіи обращенія надо будетъ обсудить остальное. Самое содержаніе обращенія мы предложили дополнить заявленіемъ объ отказѣ отъ платежа долговъ по займамъ, имѣющимъ быть заключенными правительствомъ. Кромѣ того мы предложили обсудить, въ какой мѣрѣ была бы осуществима политическая забастовка.

Таковы были предложенія. Они должны были быть обсуждены каждою изъ группъ въ отдѣльности во фракціонныхъ засѣданіяхъ, затѣмъ каждая группа должна была избрать двухъ членовъ редакціонной комисіи, давъ имъ императивный мандатъ сообразно ея рѣшенію.

Для такого фракціоннаго обсужденія и выбора редакціонной комисіи объявленъ былъ перерывъ, приблизительно около 1½ час. вечера.

Собраніе разбилось на три части. Какъ вели свое обсужденіе трудовики и соціалъ-демократы, мнѣ неизвестно; знаю только, что они окончили его сравнительно быстро, гораздо быстрѣе нашего. Намъ, какъ наиболѣе многочисленной группѣ, былъ предоставленъ для совѣщанія залъ; остальные группы удалились. Въ залъ были впущены, для участія во фракціонномъ засѣданіи, согласно нашему партійному уставу, члены Ц. К., не состоявшіе депутатами: Милоковъ, Вл. Гессенъ, Струве, Тыркова, Изгоевъ. Такъ какъ Предсѣдатель нашего фракціоннаго Комитета, И. И. Петрункевичъ, не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ, то предсѣ-

дательствовать пришлось мнѣ, какъ Товарищу Предсѣдателя фракціи.

Настроеніе во фракціи было естественно такое же приподнятое, какъ и въ засѣданіи Думы, ибо фракція въ этотъ моментъ, пожалуй, больше чѣмъ когда-либо давала тонъ Думѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь впервые всплыли тѣ различія во взглядахъ, которые дѣлили насъ затѣмъ все время вплоть до заключительнаго момента на двѣ почти равныя группы и—кто знаетъ—быть можетъ, дѣлать на такія же группы и теперь. Подробное изложеніе мотивовъ, которые приводились за и противъ воззванія, представляется теперь, пожалуй, излишнимъ. Вся позднѣйшая полемика по его поводу исчерпала эту тему до дна: критика воззванія опередила его исторію. Достаточно будетъ потому, не приводя детально преній, отмѣтить лишь, какой изъ мотивовъ въ нихъ главенствовалъ.

Самая мысль объ обращеніи къ народу не встрѣтила въ этотъ вечеръ никакихъ возраженій. По крайней мѣрѣ, въ памяти не осталось никакого слѣда отъ нихъ. Потому отъ вопроса о желательности быстро перешли къ критикѣ самаго проекта. По общему отзыву, первая часть представлялась вполне пріемлемой, но казалась слишкомъ длинной и обстоятельной; слѣдовало ее значительно сократить и, если возможно, сдѣлать ярче. Не давать рекрутъ, не платить податей, не признавать займовъ—такова вторая часть, согласно проекту и дополненію фракціонной коммисіи; и всѣ эти три тезиса совместно встрѣтили столь живой отпоръ въ средѣ фракціи, что положительное рѣшеніе по нимъ прошло лишь весьма немногочисленнымъ большинствомъ; если не ошибаюсь, меньшинство насчитывало слишкомъ 40 голосовъ. Слѣдуетъ тутъ же отмѣтить, что четвертое предложеніе, о политической забастовкѣ, было отвергнуто очень быстро и чуть ли не единогласно.

Центральный доводъ въ устахъ противниковъ воззванія сводился къ его непрактичности: рекрутскій наборъ будетъ только въ ноябрѣ, слѣдовательно, призывъ безцѣленъ; повинности же, т.-е. прямые налоги, состав-

влиять столь незначительную часть государственного бюджета, что неплатеж ихъ будетъ нечувствительна, да къ тому же отъ неплаты прямыхъ налоговъ пострадаетъ земская дѣятельность. А главное, ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ народъ не приготовленъ. Наконецъ, угроза относительно платежей по займамъ можетъ оказаться пустою фразою, если иностранные капиталисты съ ней считаются не будутъ. Я не припомню, чтобы было сдѣлано какое-либо возраженіе съ точки зрѣнія недостаточности побужденій къ такого рода мѣрамъ. Ни у кого рѣшительно не было иллюзій на счетъ того, что роспускъ Думы есть покушеніе на самое народное представительство, и потому не возникало сомнѣній, что та крайняя степень организованнаго дѣйствія, которая мыслима безъ насильственныхъ мѣръ, теперь умѣстна. Этихъ вопросовъ почти никто не возбуждалъ; о «неконституціонности» воззванія—и то не вообще, а лишь въ данную минуту—говорили, помнится, омиръ Петражицкій. Не было также нѣтъ упоминута ни слова о тѣхъ превратностяхъ судьбы, которыя могутъ ожидать авторовъ воззванія. И въ этомъ не было ничего неслучайнаго, ни страннаго, уже по одному тому, что всѣ были и безъ того увѣрены, что со стороны власти будутъ предприняты противъ насъ укротительныя мѣры. Оставаясь такимъ образомъ, преимущественно въ предѣлахъ практической нещѣлесобразности, возраженія противъ воззванія были тѣмъ самымъ обречены на неудачу, ибо защитники воззванія вовсе и не доказывали его практической и не предсказывали непосредственнаго его дѣйствія. И они сомнѣвались, готовъ ли народъ; и они признавали, что въ данную минуту исполненіе воззванія можетъ практически не причинить большихъ затрудненій правительству. Но они настаивали на томъ, что моментъ исключительный для того, чтобы указать народу, какъ слѣдуетъ отстаивать свои права. Актъ, изданный въ такую минуту,—актъ, которому обезпечено распространеніе въ миллионѣхъ экземпляровъ (о, какъ наивны были затѣмъ наши обвинители, предполагая, что мы сговаривались, какъ распространять выборы-

ское воззваніе!)—такой актъ, твердили мы, будетъ лучшимъ завѣтомъ первой Думы на будущія времена и самымъ дѣйствительнымъ предостереженіемъ всякимъ правительствомъ, нынѣшнимъ, и будущимъ, на случай покушеній на права народа. Дамокловъ мечъ, еще не падая, былъ страшенъ. И, можетъ быть, не мѣшаетъ тутъ же добавить, что сторонники выборгскаго воззванія и нынѣ глубоко убѣждены, что только благодаря ему, то, что было задумано, какъ уничтоженіе народнаго представительства и облечено въ форму болѣе чѣмъ своеобразнаго роспуска Думы на 7 мѣсяцевъ, послѣ того, какъ она успѣла просуществовать лишь два съ половиною мѣсяца,—превратилось въ дѣйствительный роспускъ и, что только, благодаря воззванію, народное представительство было сохранено. Правительство опасалось народа и авторитета первой Думы больше, чѣмъ наши скептики въ Выборгѣ.

Пренія фракцій затянулись поздно. Трудовики и соц.-демократы нѣсколько разъ присылали спрашивать, скоро ли мы кончимъ. У нихъ дѣло пошло, очевидно, болѣе ускореннымъ темпомъ. Около часу ночи мы, наконецъ, управились съ вопросомъ. Пришлось затѣмъ выбрать еще двухъ членовъ Редакціонной Комиссіи. Par acclamation избраны были Кокошкинъ и я. Ясно было, что Редакціонная Комиссія рагѣ утра не закончитъ своего труда, и что потому вся готовность собравшихся провести всю ночь окажется излишней. Къ тому же усталость брала свое. Въ часъ ночи былъ потому объявленъ перерывъ до 8 час. утра.

Только шести членамъ Редакціонной Комиссіи пришлось проявить свою неутомимость.

Какъ одинъ изъ членовъ Комиссіи, я отправился къ трудовикамъ, чтобы ихъ пригласить къ общей работѣ. Со мною отправился и Кокошкинъ. Пришлось подняться во второй этажъ гостиницы,—трудовики и социаль-демократы тамъ имѣли свои квартиры. Въ корридорѣ и въ прилегающей къ нему комнатѣ на полу сидѣли группами крестьяне съ усталымъ, унылымъ видомъ,

а кое кто, вытянувшись, уже и похрапывалъ. Комитетъ засѣдалъ въ крайней, угловой комнатѣ. Когда мы зашли въ комнату, за круглымъ столомъ сидѣло пѣсколько человѣкъ въ рубахахъ, безъ сюртуковъ, углубившись въ нашъ проектъ воззванія, другіе валились на кровати.

Въ числѣ сидѣвшихъ за столомъ былъ и Вас. Вас. Водовозовъ, съ наклоненной надъ столомъ головой вывадившій что-то на бумагѣ. Когда мы вошли, Н. В. Жилкинъ, чтобы освободить стулъ, толкнулъ добродушно Водовозова: «Ну, Вася, будетъ тебѣ, убирайся!». И Вася, съ медленностью и утловатостью плохо слышащаго человѣка, оглянувшись на вонедликихъ, всталъ, дошелъ къ окну и, курнувши на кѣлѣхѣ у окна, продолжалъ выводить на бумагѣ. Наша бесѣда здѣсь длилась недолго. Мы предложили Редакціонной Комиссіи немедленно приступить къ работѣ. Отъ с.-д. въ члены Комиссіи оказались избранными Жорданія и Джапаридзе, отъ трудовиковъ—Жилкинъ и Бондаревъ, и мы вшестеромъ спустились внизъ въ одну изъ примыкающихъ къ большой залѣ комнатъ, гдѣ и проработали всю ночь.

Обстановка для работы была пять самыхъ непривлекательныхъ. Огустѣвшая фактурная комната, со столешками по стѣнамъ и однимъ круглымъ столомъ въ серединѣ. На столахъ смятый скатерти, обѣды, пустые бутылки; въ комнатѣ дымъ; съ улицы врывается унылый свѣтъ блѣлой ночи и брызжащаго сѣвернаго утра, смѣшиваясь съ тусклымъ свѣтомъ свѣчь. Ни стакана чая, чтобы освежить голову и просохшее горло, ни куска хлѣба, чтобы поддѣрживать плавающія силы. Старая корка отъ сухихъ булокъ и двѣ-три бутылочки какой-то газовой воды—воотъ все, чѣмъ намъ взялся услужить заспавший коридорный, стоявшійся было тѣнчанинъ на нашъ звонокъ, а затѣмъ и совсѣмъ безъ вѣсти пропавшій.

Мы расположились за стоявшимъ въ серединѣ комнаты круглымъ столомъ и приступили къ работѣ бодро. Дѣятельная роль выпала на долю мою, председа-тельствующаго, и Кокшанина, исполнявшаго нѣчто въ роли докладчика: съ карандашомъ въ рукѣ сидѣлъ онъ по

мою правую руку, читалъ и вносилъ въ проектъ принятые измѣненія. Но и другіе члены Комиссіи вначалѣ принимали живое участіе въ работѣ. Черезъ часть-другой однако усталость, физическая и нравственная, отъ переизлишнихъ волненій, вступали, видимо, въ свои права, и у всѣхъ тѣхъ, кто не былъ, какъ Кокошкинъ и я, внѣшнимъ образомъ связанъ съ работою, почувствовался упадокъ энергіи. Дальше и энергичнѣе шли съ нами Джапаридзе и Жорданія; раньше всѣхъ отстали Жилкинъ и за нимъ Бондаревъ. Такъ шла работа въ теченіе приблизительно трехъ-четырехъ часовъ. Къ 4½ часамъ утра мы были готовы. Не помня сейчасъ подъ руками обшихъ текстовъ, не могу указать въ точности, въ чемъ выразилась наша работа; тексты эти я сохранилъ въ свое время, и если ихъ найду, постараюсь современно произвести это сравненіе. Сейчасъ же вспоминаю только кое что изъ начальныхъ моментовъ обсужденія.

По прочтеніи проекта первымъ, помнится, затворилъ Жорданія, который, согласившись отъ имени своей фракціи со всѣми пунктами проекта, уломянувъ также и о политической забастовкѣ, по въ тонѣ, чрезвычайно сдержанномъ, не скрывая отъ себя и отъ насъ, что осуществимость ея представляется и ему сомнительною. Мы, согласно слухамъ намъ накану, возражали противъ забастовки, и она была отклонена.

Затѣмъ кто-то предложилъ Жилкину прочесть бумагу, которая у него была въ рукахъ и видимо имѣла какое-то отношеніе къ проекту. Онъ помаялся,—сказавъ, что ея, пожалуй, и читать не стоитъ («это только начало»), но въ концѣ концовъ прочиталъ. Это былъ весьма крупнымъ почеркомъ на одной и на части второй страницы листъ бумаги, содержащій неоконченное выступленіе къ воззванію. Эта бумага была тутъ же безъ переній забракована, и рѣшено было приступить къ обсужденію мильковскаго проекта.

Я не безъ умысла нѣсколько подробнѣе, чѣмъ можетъ быть, останавливался и на инцидентѣ съ бумагою и на присутствіи Водовозова въ комнатѣ трудящихъ. Недавно мнѣ довелось слышать въ одной лите-

редакционной компании бесѣду на тему о томъ, кто собственно истинный авторъ выборгскаго воззванія. Одинъ изъ участниковъ бесѣды объявилъ съ особенною торжественностью, что авторъ воззванія никто иной, какъ В. В. Водовозовъ. И что особенно странно: открытіе это не было встрѣчено даже изумленіемъ со стороны присутствовавшихъ почтенныхъ литераторовъ, весьма близкихъ и къ политикѣ. Источникъ этихъ странныхъ слуховъ лежалъ, повидѣмому, въ отрывкѣ, прочитанномъ Жылкинымъ и составленномъ въ комнатѣ трудовиковъ Водовозовымъ.

Возникъ затѣмъ вопросъ о заглавіи документа,—не объ обращеніи (о которомъ сказано выше), а о заглавіи. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ редакцій остановились на редакціи, предложенной Бонадаревымъ: «Народу отъ народныхъ представителей», сохранившейся, какъ извѣстно, и въ окончательномъ текстѣ. Затѣмъ началось, наконецъ, чтеніе проекта. Никакихъ особенныхъ споровъ и преній по существу тутъ не было. Никакихъ новыхъ мыслей никто не предлагалъ; принципиальныхъ разногласій не обнаруживалось; если были споры (преимущественно, помнится, съ Джапаридзе), то по поводу степени рѣзкости того или иного выраженія; но споры эти улаживались быстро и мирно. Работа наша свелась въ результатѣ къ чисто-литературной передѣлкѣ. Передѣлка эта, правда, была не изъ легкихъ. Главный, всѣми отмѣчавшійся недостатокъ проекта была его длина,—надо было сокращать. Но сокращать приходилось, не механически отбрасывая части,—всѣ отъ были связаны другъ съ другомъ,—а перерабатывая ихъ въ новой формѣ, освобождая преимущественно отъ трезвѣрной мотивировки нашихъ воззрѣній на ходъ событій. Событія выдвигались потому часто лялпидарно, безъ внутренней связи съ другими. Воззваніе выглядало въ экспрессіи, но, конечно, потеряло въ округленности. И передѣлка эта, насколько помню, не удовлетворила главнымъ образомъ самаго редактора проекта:

— Торчатъ у васъ теперь эти «7 мѣсяцевъ» совершенно оголенные—говорилъ онъ, прочитавъ на слѣду.

ющее утро нашу редакцію—весь манифест исковеркали.

Такъ-то проходя проектъ фразу за фразой, сокращая и передвѣливая, мы добрали къ 4½ час. утра до конца. Но наша работа имѣла еще весьма сырой, незаключенный видъ: наброски отдѣльных частей и фразъ остались еще окончательно неспаянными. Трудъ этотъ исполнить коллекціально было помыслимо. Необходимо было возложить его на одно лицо. Мы всѣ единодушно упростили Г. Г. Косинкина взять этотъ трудъ на себя. Онъ чувствовалъ себя очень стверно, былъ простуженъ и переутомленъ, но не отказывался и, засѣвъ за боковой столикъ, принялся было даже за работу. Черезъ нѣсколько минутъ я подошелъ къ нему и замѣтилъ, что онъ совсѣмъ боленъ,—его знобило отъ простуды, лицо все горѣло; я упростилъ его отправиться домой и, съ благословенія товарищеской, самъ засѣлъ за работу.

Всѣ разбредлись—я остался одинъ и сталъ связывать, шифровать. Давно ли мы, въ такое же полное время, въ большомъ доковомъ залѣ Таврическаго дворца отшифровывали, передъ торжественной минутой третьяго чтенія, отвѣтъ первой Думы на тропеую рѣчь...

Три часа заняла эта, на видъ мелкая, по крайне тяжестная работа. Къ 7½ час. утра окончательная редакція была готова; я отнесъ ее наверхъ къ трудовикамъ, чтобы просить яскоро переписать ее въ нѣсколько рукъ къ открытію засѣданія. Наверху, въ корридорѣ и комнатахъ, спали люди въ павалку крѣпкимъ сномъ; я то и рѣло спотыкался о тулупы депутатскихъ тѣлъ; храпъ стоялъ теплотопельскій. Въ утилой комнатѣ, на кроватяхъ, лежало человѣка по 2, по 3. Еле добудылся кого-то, всучилъ ему бумагу и отправился къ себѣ на «ночлегъ». Ночлегъ былъ очень непродолжительный: къ 9 часамъ пришлось быть уже опять въ Бельведерѣ. Экземпляры нашей редакціи уже ходили по рукамъ, депутаты собирались и оживленно обсуждали ее въ кружкахъ. Общее отношеніе къ ней было одобрительное. Задача, съ точки зрѣнія редакціонной, повидимому, выполнена была нами

удовлетворительно. Оставалось неудовольствие и раздвоение все по поводу тѣхъ же основныхъ вопросовъ.

Наши товарищи по фракціи собрались для обсуждения редакціи въ той части зала, гдѣ стояли рояль—очистить весь залъ для нашего засѣданія не было возможности—мы и отбывали теперь все совѣщанія свои въ этой части зала; это была максимальная степень изолированности, которой мы могли добиться. Фракція далеко еще не была въ полномъ своемъ «выборскомъ» составѣ: устали отъ вчерашняго дня, поздно легли и рано собирались. Было насъ, если не ошибаюсь, человекъ около 60. Утомленный, я упростилъ В. Д. Набокова (тоже Товарища Предсѣдателя Комитета фракціи) предсѣдательствовать. Сидя на стулѣ, окруженный депутатами, онъ вѣлъ это, оказавшееся чрезвычайно труднымъ, импровизированное засѣданіе. Время со вчерашняго вечерняго засѣданія не прошло безслѣдно: разногласія углубились, споры стали болѣе страстными. Отъ обсуждения редакціи скоро перешли къ обсужденію все тѣхъ же проклятыхъ вопросовъ по существу. Тутъ-то въ числѣ рѣзко выступившихъ противъ воззванія выдѣлился покойный Горценштейнъ. Потребовали, наконецъ, голосованія по существу. Предсѣдатель послѣ нѣкотораго колебанія уступилъ, и результатъ голосованія получился такой, что большинствомъ одного или двухъ голосовъ вторая часть воззванія была отвергнута. Поднялись протесты съ указаніемъ, что вопросъ, вчера рѣшенный въ полномъ составѣ фракціи, не можетъ быть перерѣшенъ сегодня въ такомъ малочисленномъ собраніи; требовали пересмотра вопроса въ слѣдующемъ перерывѣ. Не зная, во вниманіе ли къ этимъ протестамъ, или потому что раздавался звонокъ Предсѣдателя, а вопросъ не считался даже большинствомъ окончательно вынесеннымъ,—по отклоненіи насъ вопросъ до слѣдующаго перерыва, съ тѣмъ, чтобы его перерыва обсуждалась въ общемъ собраніи только первая часть, не возбуждавшая принципиальныхъ возраженій.

Муромцовъ занялъ предсѣдательское мѣсто и такъ же величественно, какъ нѣкогда съ трибуны Думы,

объявить, что представляемъ къ первому чтенію доклада Комиссiи.

— Слово принадлежитъ докладчику.

Такъ какъ окончательная редакція принадлежала мнѣ, то Кокоскинъ, который собственно являлся естественнымъ докладчикомъ, а за нимъ и другіе члены Комиссiи, просили меня замѣнить его. Мой «докладъ», насколько помню, былъ болѣе чѣмъ кратокъ; въ шреніяхъ я старался также не пользоваться правами докладчика, ибо въ сущности воззваніе было не трудомъ Комиссiи, а лишь передѣлкой. Объясненія я считалъ себя вправе давать преимущественно по редакціоннымъ вопросамъ.

«Первое чтеніе» представило собою центральную баталію въ пленумѣ по главнымъ спорнымъ вопросамъ. Незаконченность утренняго обсужденія во фракціи, колебавшееся представленіе о томъ, что есть мнѣніе большинства, имѣли своимъ послѣдствіемъ, что представители фракціи, вопреки нашимъ душевнымъ традиціямъ, выступали на собраніи, не какъ члены партіи, притыкшей къ дисциплинѣ, а каждый за себя. Борьба и шла собственно не между партіями въ Думѣ, а между двумя составными частями одной и той же партіи. Борьба велась страстно, съ большимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. И на этотъ разъ не произносились «рѣчи» въ истинномъ смыслѣ слова, не раздавалось знаменъ одобренія. Все это были краткія реплики, не требовавшія и предоставленныхъ ораторамъ 5 минутъ времени, но возбужденію въ нихъ сказывалось очень сильное, и заинтересованность въ исходѣ спора обнаруживалась необычайная. Одинъ изъ весьма почтенныхъ и обычно весьма хладнокровныхъ депутатовъ дошелъ до того, что, предполагая въ Муромцевѣ противника воззванія, попытался положить на вѣсы и его авторитетъ и предложилъ собранію обратиться къ Предсѣдателю съ вопросомъ: согласенъ ли онъ съ воззваніемъ, или нѣтъ:

— Ибо воззваніе съ подписью Предсѣдателя одно дѣло, а воззваніе безъ подписи Предсѣдателя другое дѣло.

Муромцевъ стоялъ спокойный, видимо безстрастный и, казалось, собирался уже ответить, какъ вдругъ поднялся быстро И. И. Петруньевичъ и, подъ громъ аплодисментовъ, заявилъ, что считаетъ такой пріемъ вовлечения въ игру Предсѣдателя неудобнымъ и потому просить Предсѣдателя не отвѣчать на поставленный ему вопросъ.

Инцидентъ этимъ былъ исчерпанъ. Но волненіе не улеглось. Особенную горячность проявивши, если меня не обманывало впечатлѣніе, противники воззванія. Говорившій за воззваніе И. И. Петруньевичъ, Гредескулъ, кн. Долгоруковъ, Кокошкинъ, Френкель, не переходили за обычно имъ свойственный предѣлъ пылкости. Но въ числѣ противниковъ воззванія такіе обычно спокойные и уравновѣшенные люди, какъ Петражицкій, Герценштейнъ, Толстой, поражали силой своего возбужденія и энергіей въ защитѣ своихъ мнѣній.

Первое Членіе окончено (и большинствомъ всѣхъ противъ одного голоса, при 6 воздержавшихся, принять переходъ къ постановленію членію).

Муромцевъ, какъ нѣкогда при обсужденіи отвѣтнаго адреса, расчленяетъ затѣмъ связанное изложеніе на отдѣльныя «статьи», къ статьямъ вносятся поправки и голосуются. Во время этого обсужденія вдругъ въ залъ происходитъ замѣшательство,—появились новыя лица. То пріѣхало отсутствовавшее до сихъ поръ польское коло. Мы всѣ ихъ встрѣтили радостнымъ шумомъ, какъ привѣтствуютъ въ тяжелыя минуты вновь обрѣденнаго друга. Если мнѣ память не измѣняетъ, кто-то далъ даже выраженіе нашей радости предложеніемъ привѣтствовать нашихъ товарищей. Но вотъ изъ среды ихъ выступаетъ старѣйшій польскій депутатъ, Парчевскій, вынимаетъ какую-то бумагу и, все блѣдный, читаетъ неровнымъ, изволнованнымъ голосомъ. Первые слова звучатъ привѣтствіемъ—и лица всѣхъ присутствующихъ отвѣчаютъ благодарностью; но затѣмъ идутъ оговорки, оговорки, и, наконецъ, рѣшительное заявленіе, что польское коло въ нашихъ дѣйствіяхъ участвовать не будетъ. Холодомъ повѣяло въ залъ, по лицамъ пробѣжала горькая

улыбки, не то разочарованія, не то презрѣнія. Народскій съѣздъ, изъ оружіемъ него остались слышать всѣ члены коло.

— Для чего же прѣзика ты?—слышу голосъ рядомъ со мною.

— По какому праву остаются?

— Ушли бы!—раздается возгласъ громче изъ сѣдидины зала.

Но намъ было не до этихъ мелкихъ счетовъ. Мы постарались заглушить возгласы и спокойно перешли изъ нашимъ очереднымъ дѣламъ, продолжая обсужденіе, просыта.

Около часу дня объявленъ былъ перерывъ. Приблизительно въ это время въ залѣ появились три новыя фигуры: гг. Гейденъ, М. А. Стаховичъ и Н. Н. Лывовъ. Пріѣхали ли они для участія въ совѣщаніи, или въ качествѣ зрителей, сказать трудно. Стали какъ-то изъ сторонѣ, точно желаютъ только послушать, да поглядѣть;—между тѣмъ въ рѣшительную минуту, когда голосовалось и единодушно принятствовалось воззваніе, изъ ихъ среды выдвинулась и рождалась воззваніи одинокая рука графа Гейдена, и раздавался его голосъ: «нѣтъ, не надо!»

Во время этого-то перерыва и произошло рѣшительное для всего дальнѣйшаго хода событіи совѣщаніе нашей фракціи. Все въ томъ же углу залы, около прозя, столпились депутаты,—всѣ стоя, кто былъ подальше, становились и на стулья *). Мнѣ, предсѣдательствовавшему, прилгкному къ ролю, еле удавалось выдерживать авторъ падающей массы. Несмотря на эту крайне неблагопріятную внѣшнюю обстановку обсужденіе шло дѣльно и быстро: серьезность минуты какъ будто стихійно сдерживала внѣшнее проявленіе раздута, который, какъ оказалось въ стоюмъ будущемъ, заклю-

*) На стулѣ оказавъ, между прочимъ, А. В. Тыркова. Вотъ почему Стаховичъ, давая впоследствии показанія у судебного сѣдователя, особенно язвительно подчеркивать, что въ Выборгѣ при обсужденіи воззванія говорили какія-то „женщины, стоя на стульяхъ“.

бень быть и совсѣмъ исчезнуть подъ давленіемъ общаго несчастія.

Намъ пришлось поставить въ первую голову вопросъ объ обязательности рѣшенія большинства для меньшинства. Вопросъ этотъ долженъ быть, казалось бы, имѣть особое значеніе для противниковъ воззванія. Ибо если бы даже большинство нашей фракціи оказалось на ихъ сторонѣ, но меньшинство голосовало бы въ общемъ собраніи по своему, воззваніе все равно прошло бы голосами лѣвыхъ группъ совместно съ меньшинствомъ кадетовъ. И только при компактномъ голосованіи кадетовъ противъ воззванія, оно могло провалиться. Для сторонниковъ же, по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, подчиненіе большинству могло оказаться практически только тибельнымъ; ибо при свободѣ голосованія принятія воззванія было обезпечено. Тѣмъ не менѣе оказалось на дѣлѣ, что именно сторонники воззванія больше всего настаивали на подчиненіи меньшинства большинству. И настаивали потому, что рѣчь шла объ актѣ, имѣющемъ исходить отъ Думы; и если окажется, что даже та часть Думы, которая собралась въ Выборгѣ, не вся подписала, то сила акта этимъ въ корнѣ была бы подорвана. Лучше уже отвергнуть, чѣмъ такъ принимать. И это послѣднее мнѣніе, особенно горячо поддержанное, помнится, Милоковымъ, побѣдило. Наступилъ чередъ вопросу по существу. Мнѣнія уже такъ рѣзко опредѣлились при предыдущихъ сужденіяхъ и въ только что прерванномъ общемъ собраніи, что новаго сказать ужъ было почти нечего. Оставалось только окончательно провѣрить численное соотношеніе мнѣній. И дѣйствительно послѣ двухъ-трехъ краткихъ рѣчей приступлено было къ голосованію, и значительное большинство фракціи оказалось на сторонѣ воззванія. Въ эту минуту участь воззванія была рѣшена.

Какъ извѣстно, обсужденіе воззванія было вскорѣ насильственнымъ образомъ прервано, и многіе склонны объяснять принятіе воззваніе именно вмѣлительствомъ этой внѣшней силы. Изъ изложеннаго ясно, насколько это мнѣніе ошибочно.

Приблизительно въ 2 часа раздался звонокъ, объявляющій объ окончаніи перерыва; но въ эту самую минуту Муромцева вызвали изъ залы. Перерывъ былъ продленъ; залъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Предсѣдателя. Скоро стало извѣстно, что Выборгскій губернаторъ получилъ изъ Петербурга приказъ распустилъ наше собраніе; не желая примѣнять силы, ни производить демонстрацію, стѣсняясь вмѣстѣ съ тѣмъ вызывать къ себѣ вчерашняго Предсѣдателя Думы, онъ пріѣхалъ самъ къ Муромцеву и бесѣдуетъ съ нимъ внизу, у крыльца гостиницы. Узнали мы тутъ, къ великому изумленію многихъ изъ насъ, что Выборгъ, какъ крѣпость, подчиненъ непосредственно русскимъ властямъ, и приказъ изъ Петербурга, противорѣчащій финляндскимъ законамъ и недѣйствительный на всей остальной территоріи Финляндіи, здѣсь имѣетъ силу и можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Короче говоря: изъ всей финляндской территоріи мы избрали пунктъ наименѣе безопасный. Любая деревушка подъ Выборгомъ, первая желѣзнодорожная станція по ту сторону Бѣлоострова предоставляла намъ больше гарантій неприкосновенности, чѣмъ тотъ единственный пунктъ, который мы выбрали.

Черезъ четверть часа явился Муромцевъ; весь блѣдный, сильно взволнованный, онъ подошелъ къ столу и, держа шляпу въ рукѣ, объявилъ, что имѣлъ бесѣду съ губернаторомъ, который ему особенно подчеркнул неизбежность гибельныхъ послѣдствій для пріютившей насъ Финляндіи, если наше собраніе немедленно не разойдется. Вслѣдствіе этого онъ счелъ должнымъ дать слово за себя, что собранія продолжаться не будетъ, и полагаетъ, что долгъ всѣхъ насъ по отношенію къ Финляндіи—уѣхать изъ Выборга.

Раздались возгласы неудовольствія, изумленія, крики: Останьтесь! останьтесь! Но Муромцевъ категорическимъ жестомъ отвѣтилъ: «нѣтъ»,—сказалъ, что это уже вопросъ его чести, онъ остаться не можетъ, поклонился и немедленно выпелъ.

Въ залѣ воцарилось неописуемое волненіе. Громкіе возгласы, движеніе стульевъ, люди вскакиваютъ съ мѣстъ, наступаютъ другъ на друга, перекрикиваютъ другъ друга. Растерянность полная: всѣ, видимо, чувствовали, что оставаться въ Выборгѣ нельзя, но никто не зналъ, что дѣлать. Такъ прошло минуты двѣ. Кто-то крикнулъ наконецъ:

— Пусть Иванъ Ильичъ предсѣдательствуетъ.

И по всей залѣ пошелъ крикъ: Иванъ Ильичъ, Иванъ Ильичъ!

Но И. И. Петрункевичъ крикнулъ въ отвѣтъ: Князь Долгоруковъ, нашъ Товарищъ Предсѣдателя.

— Долгоруковъ! Долгоруковъ!

Долгоруковъ немедленно сталъ на мѣсто Предсѣдателя. Стоя, весьма энергично потряхивая звонкомъ, умоляетъ успокоиться и водворяетъ, наконецъ, равновѣсіе въ собраніи. Слово было предоставлено мнѣ первому. Я указалъ, что оставаться здѣсь, повидимому, немыслимо. Между тѣмъ тамъ необходимо не только обсудить до конца воззваніе, но выяснить и другіе вопросы, связанные съ новымъ положеніемъ вещей. Воззваніе очень спѣшно—его необходимо возможно скорѣе отправить въ Петербургъ. Надо потому уѣхать въ ближайшую къ Выборгу деревню, закончить тамъ сегодня обсужденіе воззванія и отправить его сегодня же въ Петербургъ. Для рѣшенія же остальныхъ вопросовъ отправиться хотя бы въ Гельсингфорсъ.

Но собраніе было слишкомъ возбуждено всѣмъ происшедшимъ, и когда И. И. Петрункевичъ со свойственнымъ ему душевнымъ подъемомъ воскликнулъ: «Господа, бросимъ обсуждать, дольше. Вопросъ ясенъ; и не въ редакціи дѣло. Не разойдемся же отсюда, не совершивъ этого акта. Подпишемъ воззваніе, какъ оно есть!»,—раздался громъ рукоплесканій, и всѣми присутствующими овладѣлъ энтузіазмъ, ни съ чѣмъ не сравненный.

Первый Герценштейнъ воскликнулъ:

«Я былъ противникомъ воззванія, но всецѣло присоединяюсь къ этому призыву. Я подпишу воззваніе».

Истражищай вскочнѣлъ на стулъ и объявить, при общихъ кликахъ одобренія, что, хотя онъ тоже противникъ и знаетъ, что за этотъ шагъ онъ рискуетъ своей государственной службой, онъ воззваніе подпишетъ.

— И я подписываю, раздаѣлся голосъ Толмуса.

— И я. И я.

— Голосовать. Голосовать.

— Голосуя предложеніе: принять всю вторую часть воззванія, какъ она доложена, безъ дальнѣйшихъ преній. Согласныхъ прошу поднять руки.

Принято с д л я о г л а с н о.

Восторженныя, радостныя лица, радостные взгляды, рукопожатія; нигдѣ недовольства, нигдѣ сомнѣнія. Просвѣтлѣло на души. Плодъ мукъ и тяжкаго раздумья созрѣлъ. Первая Дума не разсѣялась безслѣдно,—она еще разъ спаялась во едино, она оставитъ народу посмертный завѣтъ борьбы за поправленыя права...

Тѣмъ временемъ возникъ и планъ обсужденія остальныхъ вопросовъ. Предложено было не разбѣжаться изъ Выборга, но съ тѣмъ, чтобы собиралась не Дума въ цѣломъ, а собрались бы на совѣщаніе члены Комитетовъ всѣхъ трехъ представленныхъ въ Думѣ группъ. Рѣшенія, которые Комитеты примутъ, будутъ затѣмъ сообщены остальнымъ въ Выборгѣ депутатамъ. Эта идея была встрѣчена единодушнымъ сочувствіемъ, засѣданіе Комитетовъ было назначено въ тотъ же день вечеромъ въ гостиницѣ Societetshuset, и Долпорукъ объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Оставалось исполнить самый актъ подписанія. Въ тихомъ этажѣ гостиницы, въ маленькой комнатѣ, оказался, не знаю кѣмъ предварительно заготовленный, переписчикъ,—я туда снесъ свой черновикъ и съ него диктовалъ переписчику текстъ. Писать пришлось разгонисто,—съ расчетомъ, чтобы конецъ воззванія не былъ законченъ на 2-й страницѣ листа, а перешелъ бы на новый вкладной листъ, на которомъ предполагалось собрать подписи. Часть подписей была, впрочемъ, собрана уже въ то время, когда вникъ воззваніе еще переписывалось. Депутаты выстроились въ длинную цѣпь и одинъ

за другими подходили къ столу по ту сторону арки, у котораго стоялъ секретарь собранія, гн. Шаховской, отбирая на нѣсколькихъ листахъ подписи. Когда были принесены подлинники, подписи собирались подъ ними; затѣмъ подлинники съ частью подписей были отправлены къ отсутствующему Муромцеву въ гостиницу и черезъ короткое время вернулся съ его подписею.

Текстъ имѣетъ съ подписями запялъ всего 8 страницъ,—половину четырехъ вложенныхъ другъ въ друга и послѣдствіи сшитыхъ листовъ. Таковъ вѣбный видъ подлинника воззванія.

Текстъ былъ затѣмъ отпечатанъ кѣмъ то на машинкѣ изъ нѣсколькихъ экземплярахъ. Копія эти хватили изъ рукъ, кто для газетъ, кто для типографій. Многочисленные корреспонденты, состязаясь другъ съ другомъ въ швороствѣ, и сами переписывали копии тутъ же и отчалили съ ними на телеграфъ. Кто спешъ экземпляры въ типографію, не знаю. Все это дѣлалось какъ-то само собою. Интересъ къ намъ и къ тому, что мы дѣлали, былъ такъ великъ, что и въ голову не приходило заботиться о приисканіи типографіи, объ отсылкѣ въ Петербургъ. Какіе-то молодые люди—не то представители типографій, не то члены партійныхъ организацій—являлись, просили дать имъ экземпляры, переписывали, затѣмъ исчезали, а къ вечеру не только были принесены намъ уже готовые отпечатанные экземпляры, но оказалось, что отосланы уже экземпляры для отпечатанія и въ типографіи другихъ городовъ Финляндіи и въ Петербургъ. Какъ былъ сообщенъ всѣмъ этимъ лицамъ списокъ подписей, не знаю, но въ разныхъ печатныхъ экземплярахъ оказались отличія въ числѣ подписей. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему въ послѣдствіи изъ числа 220 (двухъ-трехъ) подписавшихъ воззваніе и присоединившихся къ нему привлечены были къ уголовной ответственности только 170, въ томъ числѣ болѣе 10 человекъ, подписей которыхъ нѣтъ подъ подлиннымъ воззваніемъ. Прокуратура, ловищемому, нашла печатный экземпляръ съ такимъ количествомъ подписей, и хотя въ послѣдствіи несомнѣнно освѣдомля-

лась изъ другихъ экземпляровъ о неточности перваго, пожелала закрыть на это глаза, очевидно, для того, чтобы хоть немного умалить импозантность цифры подписавшихся.

Подлинный экземпляръ воззванія съ момента его подписанія былъ упрятанъ. Никому изъ участниковъ собранія не было сообщено, гдѣ онъ будетъ сохраняться, и никто не проявилъ въ этомъ отношеніи чрезмѣрнаго любопытства. По слухамъ, онъ хранится все время внѣ предѣловъ Россіи, и мѣсто его храненія извѣстно одному или двумъ лицамъ. Ни факсимиле, ни фотографіи съ него не было снято. Этимъ объясняется, почему слѣдственными властями, привлечшими насъ затѣмъ къ суду, не удалось добыть ни оригинала, ни фотографическаго снимка воззванія.

Около 4 часовъ дня всѣ депутаты по одиночкѣ высыпали на улицу. День былъ ясный, теплый, съ моря дулъ легкій свѣжій вѣтерокъ. И на душѣ было легко. Одинъ только человекъ бродилъ среди насъ мрачный, съ насупленными бровями. Нервно пощипывая бородку, онъ подходилъ то къ одному, то къ другому и съ ужасомъ спрашивалъ, какъ это мы, умные люди, допустили до такого шага. Самъ онъ не былъ въ собраніи,—спокойно уѣхалъ изъ Думы въ пятницу въ Москву и, услышавъ о роспускѣ, поспѣшилъ назадъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Выборгъ. Здѣсь онъ нагналъ своихъ товарищей уже на улицѣ, послѣ подписанія воззванія, къ основной идее котораго онъ относился не только съ несочувствіемъ, но съ ненавистью. Мы шли всѣ въ городской садъ обѣдать, и онъ шелъ все время съ нами, все время донимая насъ упреками; съ тѣмъ же выраженіемъ скорби обходилъ насъ и за ресторанными столиками, все укоряя, все укоряя, и наконецъ... не выдержалъ и отправился подписывать воззваніе. Я говорю о С. А. Котляревскомъ, одномъ изъ самыхъ видныхъ представителей первой Думы и самыхъ ярыхъ противниковъ воззванія. Черезъ полтора года на скамьѣ подсудимыхъ, вмѣстѣ съ нами сидѣлъ Котляревскій, обвиняемый въ томъ, что въ собраніи въ Выборгѣ обсуждалъ вмѣстѣ

съ нами способы распространения выборгскаго воззванія. Да не одинъ онъ былъ такой. Такъ же, какъ и онъ, пріѣхали уже послѣ подписанія воззванія, и кн. Урусовъ, и Щепкинъ, и они также были затѣмъ признаны виновными въ томъ, что вошли въ соглашеніе съ нами о способахъ распространенія воззванія. Были, впрочемъ, слушаніи, еще болѣе курьезные: въ томъ же преступленіи обвинены были люди, совершенно отсутствовавшие въ Выборгѣ; одинъ изъ нихъ (покойный уже нынѣ Миклашевскій) подвергался въ этотъ самый день въ Петербургѣ тяжелой операціи руки и ни обсуждать, ни подписывать ничего не могъ и тѣмъ не менѣе былъ приговоренъ. За то мы имѣли въ числѣ дѣйствительно участвовавшихъ въ обсужденіи воззванія такого депутата, который не принялъ участія ни въ одномъ засѣданіи Думы, и всѣ свои депутатскія функціи исполнилъ только въ Выборгѣ, обсуждая воззваніе и подписывая его. Я имѣю въ виду депутата одной изъ дальнихъ областей, Букейханова, прибывшаго въ Думу только 9 іюля и попавшаго, вмѣсто Таврическаго дворца, прямо въ Выборгскій Бельведеръ.

Сколько всѣхъ подписей имѣется на подлинномъ экземплярѣ воззванія, сказать трудно; но подписавшихъ и присоединившихся было въ первый же день, на сколько помнится, 200, если не больше. Затѣмъ присоединялись подписи и на слѣдующій день въ Выборгѣ и даже въ Петербургѣ. Подписи эти собирались, однако, не на подлинномъ экземплярѣ, а другими способами; между прочимъ, въ первый же день (10 іюля) нѣкоторые присоединявшіеся подписывались на принесенныхъ изъ типографіи первыхъ печатныхъ отпискахъ воззванія. Оригиналъ воззванія является, такимъ образомъ, въ смыслѣ полноты подписей, недостаточнымъ, и едва ли есть даже возможность теперь установить точный списокъ лицъ, подписавшихъ воззваніе.

Въ 5 или 6 часовъ вечера собрались всѣ партійные Комитеты для обсужденія остальныхъ мѣръ, какія могли еще быть предприняты нами въ виду вновь создававшагося положенія. Самая постановка этого во-

просы кажется теперь страшною. Да и тогда она имѣла весьма отвлеченный характеръ. Ни въ комъ не видно было живой надежды,—истинной, живой, непосредственной вѣры въ близость побѣды. Однако все чувствовали необходимость велухъ объясниться. Нѣтъ, нѣтъ, да со дна души все же поднимались неясныя чаянія, но подавляемыя, а иногда и взаимциваемые безсознательнымъ предположеніемъ, что имѣются для нихъ какія-то основанія, быть можетъ, намъ только невѣдомыя. Сквозь туманъ этихъ неопредѣленныхъ чаяній яснѣе выступало только одно инстинктивное стремленіе: сохранить какъ можно дольше Думу въ цѣломъ. Страшно было расплескать этотъ драгоценный сосудъ. Собранная во едино Дума—такъ мнилось многимъ—можетъ остаться средоточіемъ народныхъ надеждъ. Вѣдь ее разгоняли именно за то, что было ближе всего народу—, за требованіе земли. Оставаясь единою, въ сборѣ, она можетъ еще, по требованію этого народа, воскреснуть для исполненія только что начатаго, незаконченнаго дѣла. Въ этомъ направленіи шли мысли тѣхъ, кто не склоненъ былъ сразу сдаваться; въ этомъ направленіи шли и дебаты въ соединенномъ засѣданіи Комитетовъ. Въ засѣданіи этомъ участвовали не одни члены Думы; изъ партіи к.-д. было нѣсколько членовъ Ц. К., входившихъ по нашему уставу въ составъ фракціоннаго комитета. Соц.-демократы просили допустить члена ихъ Ц. К., Мартыпова; трудовики, въ составъ которыхъ входили частью и с.-ры, просили разрѣшенія допустить Натансона и Виктора Чернова. Предсѣдательствованіе въ собраніи возложено было на меня.

Засѣданіе затянулось почти за полночь. Интересъ его обуславливался именно присутствіемъ въ его составѣ представителей нашихъ лѣвыхъ группъ, не изъ депутатовъ. Мы встрѣтились здѣсь съ тѣми, кто въ значительной мѣрѣ вдохновлялъ, невидимые для насъ, шаги нашихъ болѣе лѣвыхъ товарищей по 1-й Думѣ. Эта встрѣча носила весьма своеобразный характеръ. Идея бойкота, усвоенная партіями с.-д. и с.-р. при выборахъ въ первую Думу, имѣла своимъ послѣдствіемъ

то, что социаль-демократія была представлена въ Думѣ очень слабо и имѣла представителей почти исключительно съ Кавказа, гдѣ бойкотъ на дѣлѣ не принимался; а с-ры, какъ партія, вовсе не были представлены. Только безформенная, въ сущности безпартійная, масса трудовиковъ включала въ свой составъ нѣкоторые с-ровъ; велѣдствіе этого вожди с-ровъ оказывали по временамъ, какъ извѣстно, значительное влияние на тактику всей группы думскихъ трудовиковъ. Идея бойкота потерпѣла полное фіаско. Дума собралась и съ каждымъ днемъ завоевывала все болыиіе симпатіи среди населенія. Но партіи бойкота, желая быть послѣдовательными, должны были дискредитировать собравшуюся, вопреки ихъ агитаціи и безъ ихъ участія, Думу. Дума была объявлена кадетскою, слабою, податливою, чуть ли не измѣнническою; большинство ея обвинялись въ стремленіи къ захвату власти, и все усилія были направлены на то, чтобы дискредитировать, уничтожить это ненавистное кадетское большинство. Эта тактика самымъ злосчастнымъ образомъ проводилась въ Думѣ черезъ неспаянную никакими партійными программами, лишенную всякихъ политическихъ традицій массу трудовиковъ,—и нельзя отрицать, что она въ нѣкоторой мѣрѣ увѣнчалась временнымъ успѣхомъ.

Но вотъ Дума распущена, и лицомъ къ лицу сошлись представители дискредитируемаго большинства и руководители тѣхъ партій, которыя поставили себѣ задачей топтать въ грязь первую Думу и ея вдохновителей.

Но, Боже мой, какая перемена! Несвѣдущій человѣкъ, зайдя въ эту комнату, могъ бы предполагать, что вотъ эти два человѣка, одинъ смуглый, коренастый мужчина лѣтъ 40, сидѣвшій у стола, другой блондинъ помоложе, вставшій у окна,—что эти два человѣка вожаки гонимыхъ кадетовъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ и защищающихъ передъ революціоннымъ судилищемъ честь первой Думы.

Первымъ заговорилъ сидѣвшій за столомъ с.-д. Мартыновъ. Закругленными, увѣсистыми фразами, дѣловитымъ тономъ изложилъ онъ намъ, какое неизмѣримое значеніе имѣла первая Дума для всего нашего общественнаго движенія въ прошломъ и будущемъ. Лучшій другъ первой Думы не могъ быть краснорѣчивѣе въ надгробномъ о ней словѣ. Но то было еще только строгое, холодное, дѣловое краснорѣчіе Брута. Заговорилъ и Антоній. Пламя горячаго восторга вспыхивало въ очахъ его, когда онъ упоминалъ одно имя первой Думы; огненные слова воскрешали передъ глазами слушателей ея добродѣтели; гордою увѣренностью въ нетлѣнности ея дѣяній звучали заключительные аккорды вдохновеннаго надгробнаго слова, произнесеннаго представителемъ с.-ровъ, Викторомъ Черновымъ. Все это было слишкомъ... неожиданно, чтобы могло быть оставлено безъ отвѣта. И отвѣтъ послѣдовалъ. Говорили Милокуновъ, Кокошкинъ, Вл. Гессенъ, еще кто-то; если не ошибаюсь, Петражицкій и Шаховской. Особенно удачна была исполненная ѣдкаго сарказма рѣчь Вл. Гессена, который напомнилъ Чернову весьма недавнее прошлое, и остроумно изображалъ наше изумленіе по поводу столь внезапнаго совращенія столь закоренѣлыхъ еретиковъ...

Таковы были интродукціи, послѣ и во время коихъ приступлено было и къ практическимъ вопросамъ. Сохранить Думу—таковъ былъ главный и въ сущности единственный вопросъ. Каковы же были способы сохранить Думу? Остаться здѣсь, въ Финляндіи—это могло бы быть сочтено за бѣгство, которое не только не возвыситъ, но умалитъ значеніе Думы въ глазахъ народа. Наоборотъ: исполнивъ неотложное, подписавъ воззваніе, слѣдовало скорѣе вернуться въ Россію и вернуться такъ, чтобы было вѣдшимъ образомъ ясно наше нежеланіе укрываться и готовность идти на встрѣчу опасностямъ. Поэтому мы предложили вернуться на слѣдующій же день въ Петербургъ и притомъ по возможности всѣмъ депутатамъ вмѣстѣ. Это предложеніе и было принято: на пребываніи въ Финляндіи никто

серьезно и не настаивалъ. Существовалъ, правда, одинъ весьма фантастическій планъ какого-то финляндскаго доброжелателя первой Думы, все обращавшагося къ намъ съ предложеніемъ: посадить Думу на корабль и пустить его на море плыть около береговъ Финляндіи. Но этотъ своеобразный проектъ былъ, естественно, немедленно отклоненъ безъ преній.

Рѣшено было, значить, ѣхать въ Петербургъ. Но въ этомъ рѣшеніи былъ не конецъ, а начало всѣхъ недоумѣній и разногласій. Ибо наши товарищи слѣва, и преимущественно члены ихъ Центральныхъ Комитетовъ, находили, что слѣдуетъ сохранить Думу и по возвращеніи въ Петербургъ. Какъ? это было совершенно неясно. Позднѣе, на слѣдующій день, въ Петербургѣ уже, трудовики предлагали намъ, остающимся 100 или 150 депутатамъ (остальные разѣхались) засѣсть въ одномъ домѣ и оттуда издавать нѣчто вроде рескриптовъ къ народу. Но въ данную минуту, въ Выборгѣ, планъ не представлялъ даже этой степени опредѣленности. Опредѣленность того или иного плана, впрочемъ, насъ и не особенно занимала. Ибо для насъ было совершенно очевидно, что съ какой стороны ни подойти къ вопросу, какой бы конкретный планъ ни сочинить, все будетъ зависѣть отъ наличности той поддержки, какую можетъ оказать намъ населеніе. Изолированные, никѣмъ не поддерживаемые, не увѣренные, что за нами сила, мы будемъ представлять жалкую кучку безсильныхъ маніаковъ, которую въ лучшемъ для насъ случаѣ правительство перехватитъ, какъ незаконное сборище, въ худшемъ—предоставитъ своей судьбѣ.

—«Дайте намъ шпалеръ въ 50,000 человѣкъ, и мы пойдемъ въ Таврическій дворецъ». Такъ формулировалъ эту мысль одинъ изъ нашихъ въ отвѣтъ представителю социаль-демократовъ. Но дѣло въ томъ, что и самъ представитель социаль-демократовъ чувствовалъ себя крайне нетвердымъ въ вопросѣ о народной поддержкѣ, а касательно шпалера въ 50.000 человѣкъ далъ вполне ясный отрицательный отвѣтъ. Представители другихъ партій молчали; Черновъ послѣ своей большой рѣчи не

произнесъ, кажется, ни слова; Натансонъ, — человекъ, по виду своему, по природѣ очень застычивый, — не принималъ вообще никакого участія въ бесѣдѣ и только внимательно слушалъ, сидя поодаль у окна, на фонѣ котораго пріятно выдѣлялась красивая, блѣлая, какъ лунъ, старческая голова его. Одинъ только Жилкинъ изъ числа нашихъ болѣе лѣвыхъ товарищей еще иногда вмѣшивался въ бесѣду, но замѣчанія его носили отпечатокъ такой глубокой грусти, и столько было въ нихъ горестнаго безвѣрія, что сильнѣе нашихъ разсужденій они побивали доводы товарища Мартынова. Въ концѣ концовъ стало совершенно ясно, что стремленіе сохранить Думу покончить не на увѣренности — хотя бы ошибочной — въ наличности достаточныхъ силъ для ея поддержания, а наоборотъ, что желательнѣе, по видимому, самое упорство Думы предвратить въ видимость революціоннаго настроенія. На такую азартную игру, въ которой на карту ставился весь престижъ первой Думы, а шансовъ выигрыша не было никакихъ, мы, конечно, согласиться не могли. И председательствующій, закрывъ засѣданіе, долженъ былъ констатировать, что, если не считать совмѣстной поѣздки въ Петербургъ, никакого соглашенія между группами не состоялось.

Въ 12 часу ночи мы вышли изъ большого зала гостиницы. Въ сосѣдней комнатѣ встрѣтились съ пріѣхавшими недавно въ Выборгъ гг. Урусовымъ, который подписалъ воззваніе уже въ то время, когда мы засѣдали съ комитетами въ сосѣднемъ залѣ. На слѣдующій день, во вторникъ, съ поѣздомъ, отходившимъ въ 1 часъ дня, всѣ депутаты отправились въ Петербургъ. Неизмѣнный нашъ фотографъ, поѣхавшій за нами въ Выборгъ и тѣсно добивавшійся все время разрѣшенія увѣковѣчить наше собраніе, поймалъ насъ, наконецъ, въ свободную минуту, передъ отходомъ поѣзда, и снялъ группою на площадкѣ передъ вагонами. Это, кажется, единственный выборгскій снимокъ. На вокзалѣ было очень людно и шумно. На платформѣ была довольно значительная толпа народу, проводившая насъ пѣснями и возгласами. То же въ меньшихъ размѣрахъ происхо-

дило и на другихъ финляндскихъ станціяхъ, все слабѣя по мѣрѣ приближенія къ нашей границѣ. Въ отвѣтъ на привѣтствія раздавались пѣсни изъ поѣзда, и кое гдѣ изъ оконекъ вагона показывалась красная матерія, не то флаги, не то шарфы или кашне.

Въ поѣздѣ царило большое оживленіе. Вагоны были биткомъ набиты депутатами, возбужденно бесѣдовавшими, переходившими отъ группы къ группѣ, изъ вагона въ вагонъ. Многихъ сопровождали жены, выѣхавшія съ ними вмѣстѣ въ Выборгъ или поспѣшавшія мужьямъ на встрѣчу. И хотя господствовала почти полная увѣренность, что мы будемъ арестованы, и проводы женъ приобрѣтали вслѣдствіе этого особенный характеръ, настроеніе въ поѣздѣ оставалось все время бодрымъ и стойкимъ. Во время движенія поѣзда пришлось намъ и «засѣдать» въ нашемъ партійномъ комитетѣ: нужно было вырѣшить нѣсколько очередныхъ вопросовъ, а въ Выборгѣ не успѣли. Стоя толпою въ проходномъ вагонѣ второго класса, мы совѣщались о томъ, что слѣдуетъ предпринять немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ. Мы отклонили сдѣланное намъ предложеніе о массовомъ шествіи пѣшкомъ отъ вокзала по улицамъ Петербурга, не сомнѣваясь, что это окончится весьма прозаическимъ приглашеніемъ насъ въ участокъ. Затѣмъ, порѣшивъ еще нѣкоторые очередные партійные вопросы, условились, на случай, если бы слухи о предполагаемомъ арестѣ не оправдались, — сойтись вечеромъ въ нашемъ клубѣ на Потемкинской.

А черезъ вагонъ, въ которомъ мы засѣдали, проходилъ то тотъ, то другой и, повидимому, нимыгали также господа въ гороховыхъ пальто.

Ареста ни на пограничной станціи въ Бѣлоостровѣ, ни на вокзалѣ въ Петербургѣ не послѣдовало. Вокзалъ кишѣлъ жандармскими чинами всѣхъ ранговъ, черезъ строй которыхъ намъ приходилось двигаться отъ вагона до извозчиковъ. Но насъ не тронули. Народу на вокзалахъ, такъ же какъ и на улицахъ, было совсѣмъ мало. Одинъ только В. В. Хижняковъ встрѣтилъ насъ какимъ-то сочувственнымъ возгласомъ и за это былъ

немедленно задержанъ и пробылъ въ тюрьмѣ дней 5—6. Спокойно, никѣмъ не тревожимые и незамѣчаемые, мы развѣхались по домамъ.

Вечеромъ состоялось засѣданіе нашего Комитета. Оно не могло состояться въ клубѣ, ибо помѣщеніе клуба было окружено полиціей, очевидно, уже освѣдомленною относительно нашихъ плановъ (былъ же Азефъ въ Выборгѣ и, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ нами оттуда возвращался). Этотъ опытъ убѣдилъ насъ, что въ Петербургѣ не только распушенной Думѣ, но и комитету партійному собраться не дадутъ, и что потому для обсужденія очередныхъ вопросовъ придется намъ ѣздить въ Финляндію. Такъ и рѣшено было: оставаясь въ Петербургѣ, фракція должна была на слѣдующій же день выѣхать на совѣщаніе въ Теріоки. Совѣщанія въ Теріокахъ затянулись: они длились три дня (13, 14 и 15 іюля), и ежедневно съ утраннымъ поѣздомъ члены фракціи отправлялись въ Теріоки, а къ вечеру возвращались въ Петербургъ. Совѣщанія эти, происходившія на дачѣ товарища нашего по Думѣ, Комисарова, по предмету своему выходять за предѣлы нынѣшнихъ воспоминаній. Они опредѣлили тактику партіи на будущее время, но не имѣли прямого отношенія къ выборгскому воззванію. Не обсуждался на нихъ и вопросъ о распространеніи воззванія. Это распространеніе, за которое мы затѣмъ судились, за которое отсиживали въ тюрьмѣ, озабочивало насъ, какъ уже сказано, чрезвычайно мало. Мы были совершенно увѣрены, что безъ всякихъ усилій оно получить огромное распространеніе. И если бы намъ въ голову могло прийти, что для распространенія прощальнаго воззванія первой Думы требуются еще усилія, мы, вѣроятно, отказались бы отъ его составленія. И на дѣлѣ оказалось, что мы не ошиблись. Воззваніе читалось достаточно. Ему только пока мало слѣдовали...

Петербургское совѣщаніе 12 іюля, о которомъ рѣчь шла выше, происходило на квартирѣ Долгоруковыхъ, въ невысокой, но пространной старомодной гостинной барскаго дома на Сергіевской. Было какъ-то особенно

жутко въ этой уютной домашней обстановкѣ. Впервые опять на положеніи травимыхъ звѣрей. Опять конспирація, чашка чаю. Мы такъ уже отвыкли отъ этого. Рядомъ Дума, тутъ же по сосѣдству нашъ клубъ, гдѣ такъ недавно кишѣла еще жизнь. Теперь все это отмерло, и мы бродимъ, какъ тѣни, прячась отъ дневного свѣта, засѣдая подѣ стражею разставленныхъ караульныхъ, настораживаясь при всякомъ порохѣ. Давно, давно все это было. Неужели опять? Жутко, гадко...

Во время нашего засѣданія явилась къ намъ депутация отъ трудовиковъ. Она предлагала собраться вмѣстѣ всѣмъ депутатамъ и засѣсть въ какой-нибудь квартирѣ на подобіе Думы. Трудно было избрать моментъ и обстановку, менѣе подходящія для такого плана. Мы сидѣли въ Петербургѣ; не только столица—вся страна уже знала о роспускѣ. И ни откуда живого отклика: народъ хранилъ гробовое молчаніе. Да, три дня тому назадъ въ тѣмъ же обстановкѣ, это было не только возможно, но и необходимо. Да, Дума засѣдающая можетъ, а подчасъ должна, остаться сидѣть, не считаясь ни съ чѣмъ. Она достаточно импозантна сама по себѣ, безъ поддержки извнѣ. Но Дума, которую удалось разсѣять, распустить въ буквальный смыслъ слова, можетъ вновь собраться только, когда ее вынесетъ на гребень волны народный энтузіазмъ. Еще вчера, тамъ, вдали, можно было заблуждаться, можно было гадать. Сегодня, здѣсь, ни заблуждаться, ни гадать было нельзя: передъ нами была нагая, безотрадная дѣйствительность.

На этомъ все или почти все кончилось.

Такова незамысловатая повѣсть о послѣднихъ дняхъ первой Думы. Я чувствую, мнѣ удалось, въ лучшемъ случаѣ, воссоздать лишь голый остовъ ея,—безкровный, безжизненный. Все, что двигало имъ—кровь и нервы—исчезло; память неспособна уже воссоздать ихъ. Да и изъ мертвыхъ костей уже кое чего не досчитываешься. Еще немного—и для будущихъ поколѣній осталась бы лишь могильная плита съ неясной

эпитафией. Оттого надо было спѣшить хоть теперь воспроизвести прошлое хоть въ блѣдныхъ тѣняхъ. Быть можетъ, эта печальная быль, столь простая и блѣдная, кое кого разочаруетъ, кое у кого вызоветъ на уста улыбку сожалѣнія, а то и злорадства. Пускай... Снисходительныя улыбки умудренныхъ нашимъ же опытомъ скептиковъ и злорадный хохотъ упивающихся временнымъ торжествомъ побѣдителей,—все пройдетъ.

Конечный счетъ впереди...

Склады изданій ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ:

- 1) Складъ и книгоиздательство „Право“ Литейный, 28.
Тел. 41-61; 661-27.
- 2) Книжный складъ „Провинція“ Стремянная, 6.
Тел. 86-20; 1-39-97.

Вышли и поступили въ продажу брошюры:

- Ф. Ф. Иношнина.* Республика. Ц. 20 к.
Василій Андреевичъ Карауловъ. Ц. 5 к.
Первая Государственная Дума. Ц. 5 к.
М. М. Винаверъ. Исторія Выборгскаго развѣянъ. Ц. 45 к.
Его-же. Тактика партіи. Ц. 15 к.

Готовятся къ печати:

- Г. В. Вернадскій.* П. Н. Милуковъ.
Что думала II Дума о землѣ.
Н. И. Каръевъ. Революція 1848 г.
А. А. Норниловъ. Исторія Партіи Народной Свободы.
Н. О. Лосскій. Чего хочетъ Партія Народной Свободы.
Б. Э. Нольде. Финляндія.
М. М. Нарповичъ. Біографіи министровъ.
Н. Н. Соноловъ. Учредительное Собраніе.
А. В. Тырнова. Константинополь.
Я. В. Герасимовъ. Современный переворотъ.
А. М. Герасимовъ. Почему Германія начала войну?

Справочный отдѣлъ по распространенію брошюръ и листовъ.
Петроградъ, Французская набережная, д. 8, кв. 5
Тел. 52-05.